

К 85-летию со дня рождения Виктора Конецкого

Перегон

Сергей Аксентьев,
писатель, действительный член Русского
географического общества

Тридцать пять лет – середина жизни. К этой поре судьба, в основном завершив ранжировку очередного поколения, расставляет всех по своим местам. Те, кто еще не успел состояться, либо находят силы и упорство найти свою тропу, либо продолжают катиться к пропасти небытия.

Виктор Конецкий (1929–2002) сумел себя преодолеть, и потому мы сейчас наслаждаемся его выстраданными, захватывающими душу повестями и рассказами о чести, долге, потаенных чувствах и поступках людей моря, проверенных снежными зарядами Арктики и Антарктики, штормами ревущих сороковых и ураганами неистовых пятидесятих широт.

Как это было

К своему тридцатипятилетию Виктор Конецкий успел пережить ужасы блокадной жизни и эвакуации. Закончить 1-е Балтийское высшее военно-морское училище. Послужить в аварийно-спасательной службе (АСС) Северного флота, вдоволь похлебав соленой воды Баренцева моря в январский шторм 1953 года возле острова Кильдин, спасая севший на камни логгер СРТ-188. Сполна познать физические и духовные ломки после затяжных запоев, от которых не спасали самые патентованные средства, о чем с мужественной откровенностью рассказал в своей последней исповедальной книге «Лети, корабль!». Заработать язву желудка и стать гражданским человеком, отказавшись, по состоянию здоровья, перейти служить с корабля в береговую часть.

Литература, которую он боготворил, как и первая курсантская любовь, кокетливо вильнув фалдами платья, покинули своего ухажера, оставив ему сладостные воспоминания о несостоявшемся романе и отчаяние несущественной мечты. «Я исчерпал материал, обмелел

Виктор Конецкий

Дар автору очерка. 29.01.2002

литературно, – честно признается Виктор в своих воспоминаниях. – Стулья разъезжались подо мной. Царапающий скрип их ножек равно отвратителен всем на свете. Он не ободрял и меня, так как в довершение всех бед я разбил автомобиль («Волга» – авт.), купленный на первый в жизни крупный гонорар за сценарий «Полосатый рейс». И вместо волевого сопротивления неудачам и невезению раскис, бросил работу».

В эту трудную пору, к счастью, нашелся человек, поддерживавший Конецкого. Он получил письмо от капитана дальнего плавания, писателя-мариниста Юрия Дмитриевича Клименченко. Их знакомство состоялось в поезде Москва – Владивосток, и, несмотря на 19-летнюю возрастную разницу, переросло в крепкую мужскую дружбу. В коротеньком письме Клименченко предельно сжато общал: «Виктор, по агентурным данным, твоя литература дала полный задний ход и отдала оба якоря. В этом году у нас намечается большой перегон на Север, и есть возможность устроить тебя старшим помощником капитана на одно из судов. На эту тему я уже говорил с моргагентом

МБС «Виктор Конецкий»

в Питере. Деньги платят приличные. Нужно вспомнить «Правила предупреждения столкновения судов в море». Жму твой плавник. Ю. Д.».

В мае 1964 года Виктора Конецкого зачислили в Ленинградский отряд Экспедиции спецморпроводок речных судов МРФ старшим помощником капитана на сухогрузный речной теплоход СРТ-760. Маршрут предстоящего перехода: Ленинград (набережная лейтенанта Шмидта) – Беломорско-Балтийский канал – Архангельск – остров Вайгач – Салехард.

Поплыли

Сказать, что предложению идти на речных скорлупках снова в Арктику вдохновило Конецкого, значит покривить перед его памятью. А делать этого я не хочу. Он уже однажды «гонял» Северным морским путем речные кораблики из Беломорска в Петропавловск-Камчатский (апрель–сентябрь 1955 года) и отчетливо представлял, какая адская работа его ждет в новом рейсе. О своем первом «сквозном» перегоне Виктор Викторович рассказал в романтической повести «Завтрашние заботы», но лишь в конце своей жизни поведал истину тяжелейшего вояжа. «На самом деле, – вспоминает он, – рейс этот был самым страшным за всю мою жизнь. <...> Боже, что за сброд набрали в экипажи! А что мы жрали три месяца на этих малютках (16 м в длину и 5 в ширину – авт.) во льдах и штормах, где на камбузе плита топилась углем! А какую воду мы пили из ржавых малюсеньких танков. Какие кровавые, с ножами, драки вспыхивали на стоянках! А как дурели от денатурата и одеколона. И, представьте себе, все 34 суденышка в одну навигацию прошли СМП! Никому из капитанов не было тридцати лет, а мне 26».

Прочтя это, можно понять первую реакцию Конецкого на письмо Клименченко: «Я почувствовал его добрый большой плавник на своем плавнике, но не испытал оживления. Хватит перегонив. Хватит считать матросские кальсоны и проверять свистки у спасательных жилетов. Хватит Севера. Он уже стоит поперек глотки!.. И потом,

перегон ничем не поможет мне в писании, потому что я уже писал о перегонах, и еще двадцать человек писали, и это уже смертельно надоело всем на свете».

Но Север просто так никого не отпускает. Однажды соприкоснувшись с ним, ты навсегда оказываешься в плену его холодного, безмолвного очарования. Это я познал на себе, прослужив шесть лет на острове Кильдин, покидая который тоже твердил: хватит Севера! хватит этой полярной глуши! она отупляет и гнетет! А через двадцать лет, как и Виктор Конецкий, написал исповедальную «Кильдинскую повесть»,

которую он, прочтя, признался: «В ней все мне родное, близкое, и даже глаза мокрит». Он, конечно же, пошел в рейс. Не ради денег, это всегда для него было делом десятым, пошел по зову Севера, который, как зов судьбы, неотвратим и неодолим.

20 августа в 5:00 судно вышло Мурманским рукавом Северной Двины из Архангельска на Салехард, имея на борту 10 человек экипажа, 24 т топлива, 700 кг машинного масла, 2,5 т пресной воды и... книгу «Арабы в море», которую старший помощник СРТ-760 изучил в рейсе от корки до корки. Письмо же многоопытного друга оказалось определяющим в его дальнейшей судьбе, поскольку, по признанию самого Конецкого, «в результате и писать, и жить я стал иначе. Правильнее, во всяком случае, выбрал свой курс».

Остров Вайгач. Бухта Варнека

Утром 24 августа караван благополучно подошел к острову Вайгач (70°1' N, 59°33' E) и стал на якоря в бухте Варнека. В бухту, названную в честь исследователя Арктики, начальника Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (1898–1902) и командира теплохода «Пахтусов» капитана 2 ранга Александра Ивановича Варнека, и сейчас редко заходят суда. Иногда забредет в эти глухие места ледокол в ожидании очередного каравана судов, для проводки их через закупорившие проливы льды.

«На возвышенности, куда мы поднялись, увидели могилы, – вспоминает Конецкий. – Боже мой, куда не занесет тебя судьба на Север, везде встречаешь могилы». И если на русской равнине могилы прячутся в тени кладбищ, то на Севере их видно издали и «всегда тянет подойти к ним, узнать о прошлых людях, узнать их имена. <...> В одинокой могиле, которая вознеслась высоко над морем, есть величие человеческого мужества. На Севере, в ледяных пространствах, человек сильнее всего доказал, что он может победить даже одиночество».

Я тоже в свое время был потрясен, увидев поржа-

«Кладбище в бухте Варнека на Вайгаче». Масло, 1994

вешие металлические могильные обелиски с пятиконечными звездами на острове Кильдин. Потом видел подобные кладбища на беломорском острове Мудьюг. Каждый раз эти неожиданные встречи вызывали щемящую тоску и трепетное сострадание к упокоившимся там

людям. Виктор Конецкий эти потаенные чувства ярко выразил в этюде «Кладбище в бухте Варнека на Вайгаче. 1994», на мой взгляд, наиболее сильном и содержательном из всей арктической серии его живописных полотен.

От посещения острова Вайгач у Виктора в памяти сохранилось еще одно яркое воспоминание. «Возле домика встретились с ребятенком лет пяти-шести, – рассказывает Конецкий. – Он спрятался за ящик и как бы прикрывал этот

ящик своим маленьким телом. <...> Он был грязен, и ему было холодно в одной только малице, надетой прямо на голое тело». Оказалось, этот мальчонка-ненец прятал большущего полярного орла. «Ребятенок испугался, что мы отнимем орла, схватил его, прижал к себе обеими руками и поволок от нас прямо в тундру. Орел был такого же роста, что и ребяенок. Он жалобно клекотал и грозно щелкал клювом, а маленький ненец волок его по тундре, мимо навсегда завязшего в мокрой почве трактора, мимо кучи ржавых консервных банок, мимо трупа собаки и деревянных жидких мостков». Сцена эта поразила много повидавшего полярного скитальца: «Пускай, мальчишка мал ростом и грязен, но кто может сегодня похвастать тем, что его сын рос в обнимку с орлом, таскал его по тундре, прижав к груди, сердцем в сердце, слушал с рождения гортанный злобный и жалобный орлиный клекот?». Виктор Викторович не раз признавался, что полярные острова глубоко бередают душу, настраивают на серьез-

Поселок Варнека

ные обобщения. Он даже собирался написать о них книгу, «расставив их по жизни как вехи. Через них вернуться в прошлое». Но... не успел!

На виртуальных перекрестках

В жизни нам с Виктором Викторовичем не довелось встретиться, но короткое эпистолярное общение, к счастью, не оборвалось. Мы, несмотря на существенную разницу в возрасте и разный жизненный опыт, сразу осознали свое духовное единство. С тех пор я не перестаю удивляться пересечениям наших курсов и каждый раз, оказавшись в точке встречи, благодарю судьбу за то, что она продолжает вести меня кильватерным следом многогранного творчества Конецкого.

Так было с островом Кильдин, который нас накрепко связал, определив мой путь в литературу. Так было с Севастополем. В приснопамятные годы развала СССР он тяжело переживал сдачу Севастополя Украине и судьбу Свято-Владимирского собора, усыпальницы прославленных адмиралов М. П. Лазарева, П. С. Нахимова, В. А. Корнилова и В. И. Истомина. В очерке «Там русские спят адмиралы...» я рассказал об этой российской реликвии (Наука и религия, №2, 2012).

Так случилось и с Архангельском, откуда Виктор Викторович в августе 1964 года увел свой СРТ-760 в Салехард. А в сентябре 2013 года я, посетив столицу поморов, побывал на старинном маяке удивительного острова Мудьюг. Вглядываясь с площадки маячного фонарного сооружения в безбрежье Белого моря, я отчетливо представлял, как он с крыла ходового мостика брал пеленг на Мудьюгский маяк, направляя свой СРТ-760 к острову Вайгач, и в эти минуты чувствовал, что мы где-то совсем рядом. Об этом и рассказал в очерке «Архангельский форпост» (Наука и жизнь, №3, 2014).

И вот теперь судьба вывела меня на тему «Покинутые острова», повелев осуществить несостоявшуюся мечту мастера, что я с величайшим волнением и пытаюсь превратить в жизнь. Дай Бог, чтобы все задуманное на этом пути свершилось.

Лейтенант Виктор Конецкий